

УДК 316.4

Печкуров Илья Васильевич

соискатель Адыгейского
государственного университета
i.pechkurov@gmail.com

Ilya V.Pechkurov

competitor of Adygei
state university
i.pechkurov@gmail.com

**МНОГОЛИКАЯ КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ ИЕРАРХИИ
ГЛОБАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

**MULTIFACETED CORRUPTION IN GLOBAL SOCIAL SPACE
HIERARCHY OF INFORMATION SOCIETY**

Аннотация. В статье показан фрактальный характер коррупции в системе иерархии глобального социального пространства информационного общества, который означает, что коррупция существует на каждом уровне экономики и политики – глобальном, национальном и корпоративном, имея на каждом уровне свойство самоподобия; генетическим основанием этого фрактального характера коррупции является единство способа производства материальных благ и способа безопасности как двух нераздельных сторон структурного комплекса эволюционирующего общества, причем коррупция связана с аспектом организации внутренней законности и порядка общества.

Ключевые слова: фрактал, коррупция, информационное общество, способ производства материальных благ, способ безопасности, социальное пространство, законность, порядок общества

Abstract. The article shows the fractal nature of corruption in the hierarchy of the global social space in the information society, which means that there is corruption at every level of the economy and politics - global, national and corporate, having self-similarity at each level; Genetic basis of the fractal nature of corruption is the unity of the mode of production of material goods and the security as the two inseparable sides of the structural complex of evolving society where corruption is associated with an aspect of the organization of internal law and society order.

Keywords: fractal, corruption, information society, the mode of production of material goods, the way of security, social space, law and society order.

Понимание специфичности противодействия коррупции в контексте национальной безопасности предполагает наличие четкого представления о её социальных истоках, о месте в системе общественных отношений, особенно в системе иерархии глобального социального пространства информационного

социума, о многообразии её проявлений. Прежде всего, следует иметь в виду тот эмпирический факт, что «одно из древнейших явлений в системе общественных отношений, коррупция, представляет насущную и серьезную проблему практически для всех государств современного мира, среди которых не более 25-ти способны ее купировать и удерживать на низком уровне» [1]. Феномен коррупции известен уже с древнейших времен, он связан, в первую очередь, с присущим именно человеку способом производства материальных благ, его развитие обусловлено динамикой эволюции и усложнения общества. Не случайно современные исследователи рассматривают коррупцию как многоликий и многомерный феномен в его экономической, политической и культурной ипостасях [2]. Вполне логично, что в современной науке имеется множество разнообразных дефиниций коррупции, каждая из которых зависит от задач и целей исследователя.

Обычно используется следующая общая дефиниция коррупции, а именно: «Коррупция (от лат. *corrumpere* – портить) – использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным законам и правилам» [3]. Эта дефиниция коррупции фактически дублирует определение коррупции, приведенное в Большой энциклопедии, изданной в 2006 году, которое представляется как «преступная деятельность, заключающаяся в использовании должностными лицами, политическими и общественными деятелями доверенных им прав и властных возможностей в целях личного обогащения в ущерб государству, обществу и отдельным лицам...» [4].

Перед нами, как отмечает отечественный юрист К.С. Бельский, одностороннее определение коррупции, имеющее только экономический характер: «Односторонность в понимании изучаемого явления – «родимое пятно» советского мышления... Инерцию такого мышления сразу преодолеть трудно, оно продолжает действовать до настоящего времени, проявляясь как в научных работах, так и в законодательстве» [5]. В российском законодательстве о коррупции акцент делается на взаимоотношение между взяточником и взяткодателем, когда в центре внимания находится личное обогащение государственного служащего при помощи преступного корыстного использования своих служебных полномочий (данный подход к пониманию коррупции получил распространение в средствах массовой информации, в выступлениях руководителей государства и политических деятелей). Следует отметить, что такой подход к пониманию коррупции существует и в зарубежной литературе, посвященной проблеме соотношения феномена коррупции и государственного управления. В статье «Коррупция и управление» М. Х. Хан исходит из узкого определения коррупции как ситуации, «когда должностные лица государства (включая и чиновников, и политиков) нарушают формальные правила поведения, преследуя свою личную выгоду, идет ли речь о доходах в виде взяток или о политических приобретениях» [6]. Таким образом, в данном определении коррупция понимается как сделка между должностным лицом (группой чиновников) и частным лицом (группой лиц или руководством корпорации), когда происходит

нарушение формальных правил поведения государственного служащего (за это он получает награду за коррупционное деяние). В данной ситуации имеется два варианта: в первом случае – частное лицо получает выгоду, которая является законным приобретением, недоступное в ином случае, во втором – частное лицо получает незаконную выгоду благодаря получению преимущества перед другими частными лицами. Такая дефиниция коррупции, подчеркивает М.Х. Хан, дает возможность поставить в фокус анализа должностные лица государства потому, что «коррупция имеет место только при участии должностных лиц; в этом смысле коррупция представляет собой просто объектив, через который можно рассматривать работу государства» [6, с.126]. Иными словами, в центре коррупционного анализа находится проблема функционирования государства, возможностей его управленческой деятельности.

В данном случае, перед нами неоклассический анализ в его неолиберальной форме роли государства в экономическом развитии, которая заключается, во-первых, в охране стабильных прав собственности, во-вторых, в снижении уровня коррупции, в-третьих, в воздержании от экспроприаций, в-четвертых, в сохранении приверженности демократии и защите интересов большинства: «Все это, в свою очередь, основано на предположении о том, что одних лишь рыночных сил достаточно для того, чтобы обеспечить ускоренное развитие, и что пока государство охраняет стабильные права собственности и обеспечивает окружение с низкими издержками транзакций и с низким риском экспроприаций, рынок будет работать эффективно» [6, с.127]. Такого рода представленная модель экономики и роли государства позволяет сделать вывод о том, что снижение уровня коррупции, наряду с другими перечисленными факторами, выступает необходимой предпосылкой для ускоренного экономического развития общества.

Осуществленный М.Х. Ханом неортодоксальный анализ в противовес неоклассическому анализу позволяет ему прийти к следующему фундаментальному заключению: «В то время как неоклассический анализ ошибается, считая борьбу с коррупцией и «хорошее управление» необходимыми условиями для экономического роста, было бы неверно отрицать, что снижение коррупции и развитие демократии, в частности, являются важными чаяниями для многих людей в развивающихся странах. Неортодоксальный анализ весьма уместно указывает на то, что достижение этих чаяний невозможно без осуществления социальных преобразований в этих обществах...» [6, с.146]. Это значит, что государство должно исполнять совершенно иной набор функций преобразования, чем это требует неоклассический анализ. Успешное осуществление этого набора функций, необходимого для экономического роста и снижения уровня коррупции, требует соответствующей политики, которая не должна некритически следовать антикоррупционному мейнстриму (он в условиях глобального финансового кризиса оказался в кризисе даже в немногочисленных странах, показывающих высокий уровень экономического роста). Ведь мейнстрим, основанный на философии безбрежного экономического либерализма, теперь в

силу игнорирования существенных аспектов реальности является не только бессильным в прогнозировании этой реальности, но и опасным, генерируя теоретические модели, деструктивно влияющие на эту реальность.

Особую угрозу для национальной безопасности представляет собою коррумпированность государственной бюрократии, которая сейчас представляет собою специфический социальный слой с присущими ему властными функциями. Она в условиях роста экономической и других видов преступности не способна обеспечить неотвратимость юридической ответственности за содеянные преступления. Для того, чтобы сохранить свою коррумпированность и уйти от уголовного преследования, бюрократия нашла выход в либерализации законодательства в сфере противодействия коррупции. «Либерализация законодательства к 2011 году позволила вместо лишения свободы взysкивать штрафы за коррупционные преступления. И что мы имеем? За первое полугодие из 20 млрд. руб. возмещено 20 млн., т.е. 1%... Путин сделал заключение, что сегодня «либерализация не работает должным образом». Поэтому реорганизация судебной системы в Российской Федерации должна осуществляться одновременно с совершенствованием законодательства, в том числе и положений Конституции РФ как его фундаментальной основы» [7]. Таким образом, глава государства оценил несвоевременность либерализации в законодательстве России коррупционных преступлений, чей масштаб непрерывно возрастает.

В современной науке, начиная с физики и кончая экономикой, широко используется фрактальный подход, выросший в рамках парадигмы синергетики, значительно отличающейся от парадигмы классической науки. Введенное Б. Мандельбротом понятие «фрактала» быстро вошло в контекст естественных и гуманитарных научных дисциплин, не говоря уже о математике.

Сам фрактал характеризуется двумя признаками: изломанностью (она понятна визуально, примером чего служит изрезанная линия фьорда) и самоподобием. «Самоподобие фрактала понимается как в классическом линейном смысле, когда *часть есть уменьшенная копия целого*, так и в неклассическом нелинейном смысле, когда *часть есть деформированная «похожая» часть целого*» [8]. Существенной чертой фрактального подхода является то, что он содержит в себе диалектические соотношения динамичности с её однозначной предсказуемостью и стохастичности, характеризующейся бифуркацией, последствия которой непредсказуемы. Именно об этом идет речь в знаменитой книге финансового гуру Н.Н. Талеба «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости», где речь идет о непредсказуемых явлениях, названных ими «черными лебедями» [9]. Это случайные явления, казавшиеся до своего появления абсолютно невозможными; к ним относятся 11-ое сентября 2001 года, глобальный финансово-экономический кризис. Сам Н.Н. Талеб продемонстрировал на практике мощный потенциал концепции «черного лебедя», когда в условиях глобального финансового кризиса его компания не потеряла, а получила доход для своих инвесторов полмиллиарда долларов. Он показывает, как можно

подготовиться к встрече с непредсказуемой случайностью и постараться обратить её в свою пользу. Такой подход демонстрирует риски в сфере экономики и финансов (и других сферах жизнедеятельности человека и социума), обусловленные случайностью, стохастическим характером процессов окружающего мира, обладающего фрактальной организацией.

В плане нашей проблематики существенным является то, что экономика современного мира (и политика тоже), функционирующая в глобальном иерархическом социальном пространстве, носит фрактальный характер. Это противоречит традиционному подходу к экономике, согласно которому проблема размещения производительных сил той или иной страны всегда рассматривалась как неотъемлемый компонент государственного управления и как структурный элемент национальной экономической политики. Это на практике означало активное включение в экономический оборот новых территорий, чтобы можно было встроить их в недифференцированную систему национальной экономики, которая, в свою очередь, взаимодействовала с мировой (глобальной) экономикой. «Так было всегда, – отмечает М. Слипенчук, – однако сейчас пришло время отказаться от подобного подхода и развивать региональную экономику как фрактал целостного народнохозяйственного комплекса. Гипотеза о фрактальном характере экономики предполагает, что структура каждого из ее уровней – глобального, национального, корпоративного – имеет много общего» [10]. Тем не менее, в рамках каждого уровня, подчеркивает М. Слипенчук, данной структуре присуща значительная неоднородность, так как здесь имеются подсистемы, которые находятся на разных этапах своего развития и динамика которых оказывает влияние на другие уровни.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что имеющиеся различия в самоподобии на том или ином уровне экономики с течением времени сглаживаются. Это означает стремление структур всех уровней экономики к ведущему уровню экономики, например, индустриальная экономика той или иной страны должна трансформироваться в информационную экономику и стать глобальной, или она станет приложением экономик более развитых стран. «Итак, мировая экономика на разных уровнях сохраняет сходную структуру. Это означает, что глобальная экономика, национальное хозяйство и корпоративные структуры, которые до сих пор рассматривались как специфические экономические объекты, во фрактальной модели имеют одинаковые свойства самоподобия. Тем самым возникает теоретическая возможность выделять отдельные регионы экономического пространства не только в качестве объекта изучения, но и конструкта развития» [11]. Это значит, что в контексте информационной эпохи любое ограниченное экономическое пространство, принадлежащее национальному народнохозяйственному комплексу и ориентированное на ускоренное развитие, выступает как фрактал, который соотносится с глобальной, национальной, региональной и корпоративной экономикой.

Феномен коррупции представляет собою вид произвола, который противоречит социальным стандартам поведения, «позволяя участникам

коррупционных отношений, использующих дискрецию публичной власти, перераспределять материальные и нематериальные блага на пользу немногих в ущерб целому сообществу, усугубляет неравенство индивидов и групп» [11]. В конечном счете, происходит нарушение принципа трудовой (стоимостной) эквивалентности в экономике, что органически связано с «золотым правилом» этической мысли всех стран мира, которое было сформулировано еще в глубокой древности. Понятны моральные мотивы осуждения коррупции, которые в условиях необходимости обеспечения безопасности производственных отношений в контексте социальной иерархии классового социума получили подкрепление в виде правовых обычаев и норм права: «С правовых позиций разнообразные проявления коррупции (взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями, хищения, присвоения и растраты, превышение власти, служебный подлог) квалифицируются в качестве разновидности противоправного произвола, т.е. правонарушений, имеющих нечто общее, свойственное любому нарушению права» [12].

Однако, в глобальном иерархическом социальном пространстве информационного общества уже недостаточно правовых средств ограничения и противодействия феномену коррупции. Ведь теперь именно средства информации и коммуникации (на практике они представляют одно целое) выступают способом производства. Поскольку этот новый способ производства носит информационный характер (его символом является созданный на основе теории фон Неймана компьютер), постольку и средства противодействия коррупции имеют информационную природу. В этом случае «произоидет переход от общества, где государство должно осуществлять контроль над средствами разрушения и (или) производства, к обществу, в котором государство будет прежде всего представлять собой орган наблюдения и контроля, обрабатывающий потоки информации» [13]. Иными словами, средства информации должны использоваться в системе национальной безопасности, чтобы в сочетании с правовыми нормами противодействовать коррупции.

Литература:

1. Нисневич Ю., Стукал Д. Многоликая коррупция и ее измерение в исследованиях международных организаций. //Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3. С. 83.
2. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствие, реформы. М., 2003.
3. Андрианов В.Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления: история и современность. М., 2009. С. 37.
4. Большая энциклопедия. Гл. ред. С.А. Кондратов; конс. К.А. Аверьянов и др.; илл. А.П. Володин. В 62 т. Т. 23. М., 2006. С. 429.
5. Бельский К.С. Об уточнении понятия «коррупция».//Государство и право. 2012. № 12. С. 22.
6. Хан Муштак Хусаин. Коррупция и управление.//Прогнозис . 2008. № 1. С. 125.

7. Гущина Н.А. Конституция Российской Федерации 1993 года – основа закрепления и развития демократических ценностей российского общества. *Современное право*. 2013. № 12. С. 7-8.

8. Волошинов А.В. Об эстетике фракталов и фрактальности искусства. *Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве*. М., 2002. С. 214.

9. Талеб Нассим Николас. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2011.

10. Слипечук М. Фрактальная экономика Арктики. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 5. С. 41.

11. Слипечук М. Формирование финансово-промышленных кластеров. // *Региональный фактор глобализации*. М., 2009. С. 7-12.

12. Левакин И.В. Коррупция: социально-экономические и историко-правовые закономерности. // *Российская юстиция*. 2013. № 10. С. 34.

13. Кола Д. *Политическая социология*. М., 2001. С. 248.

References:

1. Nisnevich Yu, Stukal D. *The many faces of corruption and its measurement in the study of international organizations*. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2012. № 3. P. 83.

2. Rose-Ackerman S. *Corruption and the State. Cause, effect, the reforms*. М., 2003.

3. Andrianov V.D. *Bureaucracy, corruption and government effectiveness: history and modernity*. М., 2009. P. 37.

4. Kondrashov S.A. (Ch. Ed.) *Big Encyclopedia*. In 62 v. V. 23. М., 2006. P. 429.

5. Belsky K.S. *Refinement of the concept of "corruption"*. *Gosudarstvo i pravo*. 2012. № 12. P. 22.

6. Khan M. H. *Corruption and governance. Prognosis*. 2008. № 1. P. 125.

7. Gushina N.A. *Constitution of Russian Federation of 1993 - the basis for consolidation and development of democratic values of Russian society*. *Sovremennoye pravo*. 2013. № 12. P. 7-8.

8. Voloshinov A. *On the aesthetics of fractals and fractal art*. *Sinergeticheskaya paradigma. Nelineynoye myshleniye v nauke i iskusstve*. М., 2002. P. 214.

9. Taleb Nassim Nicholas. *Black Swan. Under the sign of unpredictability*. М., 2011.

10. Slipenchuk M. *Fractal economy Arctic. World Economy and International Relations*. 2013. № 5. P. 41.

11. Slipenchuk M. *Formation of financial-industrial clusters: Regional factors of globalization*. М., 2009. P. 7-12.

12.. Levakin I.V. *Corruption: the socio-economic, historical and legal laws*. *Russian justice*. 2013. № 10. P. 34.

13 Kola D. *Political sociology*. М., 2001. P. 248.